

П. ГЖИБЕК

ПОСЛОВИЦА И ЕЕ СИТУАЦИИ: ОТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ К КЛАССИФИКАЦИИ

Определение пословиц как фольклорного жанра — необходимая предпосылка для их классификации, однако никакая классификация не достигается лишь за счет определения. Пословицы изучаются разными дисциплинами (от лингвистики до этнографии), и, видимо, поэтому определений природы пословицы столько же, сколько подходов к ее изучению.

Важную роль в построении паремиологической теории сыграли работы Г.Л. Пермякова. Восприятие и интерпретация его идей были неоднозначными, что привело к возникновению различных прочтений его концепции. В итоге были предложены существенные улучшения и уточнения его тезисов. Представим основные положения этой дискуссии и сделанные на их основании выводы. Мы попытаемся показать, что с современной точки зрения классификационная система Пермякова не полностью удовлетворительна. Это рождает новые вопросы, решение которых станет задачей для паремиологии будущего.

Понятие «ситуации». В 1968 г. Пермяков предложил понятие «ситуации» в качестве основания для классификации пословиц [3]. Он рассматривал пословицы как знаки и/или модели конкретных (истинных или вымышленных) ситуаций и предполагал, что данные ситуации соотносятся со всеми пословицами, которые отсылают к ним, как инварианты со своими вариантами, т.е. все пословицы, описывающие одну и ту же ситуацию являются вариантами, в то время как ситуация выступает в роли инварианта. Поэтому для классификации пословиц необходимо классифицировать сами ситуации. Практически в то же время, когда Пермяков впервые представил свою теорию, П. Сейтел [14] указал на то, что в аспекте употребления пословиц необходимо четко различать трактовки термина «ситуация»:

- а) *интерактивная ситуация*, в которой пословица произносится: происходит коммуникативный акт между говорящим и слушающим;
- б) *референциальная ситуация*, к которой пословица отсылает;
- в) *провербиальная ситуация*, которая словесно отображается в пословице.

Таким образом, «правильное» употребление пословицы предполагает два условия (*схема 1*): во-первых, оно в некоторой коммуникативной ситуации (I) должно удовлетворять всем прагматическим установкам и ограничениям; во-вторых, провербиальная (II) и референциальная (III) ситуации должны соотноситься друг с другом.

Хотя Сейтел внес существенный вклад в исследование семантики и прагматики пословицы, оказалось, что его схема недостаточна — в первую очередь потому, что при рассмотрении «провербиальной ситуации» в расчет принимается только буквальный смысл текста пословицы, но не учитывается, что для семантики пословицы первостепенное значение имеет не словесный смысл на поверхностном уровне, а некий пословичный смысл на более глубоком семантическом уровне.

Нами было высказано предположение, что семантика пословицы, основанная на таком различии ситуаций, должна включать два уровня [6]: если на первом уровне находится буквальный смысл, то второй содержит более глубокий пословичный смысл того, что на самом деле «имеется в виду», а не того, что эксплицитно «сказано словами»¹. Изначальная схема, различающая разные виды пословичных ситуаций, включенных в семантику и прагматику пословиц, с течением времени продолжала развиваться и существенно видоизменяться [7]. Остановимся на самых важных пунктах этого процесса.

При разработке схемы Сейтела было сначала предложено понятие двойной аналогии, включающее, во-первых, объединение первого и второго уровней означивания в некоем абстрактном зна-

чении и, во-вторых, объединение этого абстрактного значения с референциальной ситуацией (*схема 2*).

Позднее было предложено терминологически и концептуально различать два аспекта понятия «ситуация»: как ситуационной модели и как модельной ситуации. Поводом для этого послужило предположение о двух протекающих одновременно процессах абстрагирования:

- а) из буквального смысла извлекается² нечто вроде общего смысла; уместно обозначать результат этого абстрагирования как ситуационную модель;
- б) индивидуальная и уникальная референциальная ситуация соотносится с неким общим типом (классом) ситуаций, обобщенно обозначаемым как модельная ситуация.

Схема 3 способна объяснить проблемы, возникшие при восприятии идей Пермякова о роли вариантов и инвариантов в употреблении пословиц и их классификации. Она может также послужить основанием для более современного применения его построений.

Обозначим бесконечное множество конкретных пословиц как $P_{1,2,3}$ и назовем их Р-вариантами — в соответствии с определением, данным выше, они оказываются ситуационными моделями. Обозначим бесконечное множество (возможных) ситуаций, с которыми соотносима та или иная пословица, как $RS_{1,2,3}$ — это RS-варианты, аналогичные тому, что было названо референциальными ситуациями (IIIa). Если, следуя Пермякову, мы будем называть эти ситуации инвариантами — денотатами Р-вариантов, имеющих один и тот же общий смысл, — это будет соответствовать ситуационной модели (IIb) с Р-инвариантом в качестве ее абстракции. Разумеется, чтобы сделать пословицу «уместной» в конкретной референциальной ситуации (RS), RS-вариант должен быть проинтерпретирован, т.е. понят, как относящийся к специфическому типу ситуаций, RS-инварианту. Соотношение вариативных и невариативных типов ситуаций см. на *схеме 4*.

Схема 3 отображает финальную стадию динамического процесса, вызывая иллюзию, что смысл пословицы извлекается из ее вербального содержания без знания о референциальной или модельной ситуациях. Это и вправду может оказаться возможным, но, как правило, только когда становятся известны принятые в культуре референциальные установки и ограничения на употребление, т.е. когда на основании набора предшествующих употреблений (референциализаций) уже создается некая модельная ситуация. Сам процесс моделирования на стадии генезиса отображен на *схеме 5*.

Схема 4 отображает фундаментальное взаимодействие между семантикой и прагматикой пословицы, подчеркивая, что без повторяющихся референциализаций (или их семиотической медиации) нельзя сформировать представление о модельной ситуации, а также ясно показывая, что процесс моделирования в целом не сводится к первому уровню означивания. Этот подход, который помогает прояснить сложные взаимоотношения между гетероситуативностью, полисемантической и полифункциональностью пословицы [6], позволяет предложить ее рабочее определение.

Пословица может рассматриваться как модель ситуации, к которой она отсылает, в некоей коммуникативной ситуации (I) в том случае, если данная ситуационная модель (IIb) может быть выведена из провербиальной ситуации (IIa), находящейся в изолическом отношении к модельной ситуации (IIIb), абстрагированной из конкретной референциальной ситуации (IIIa).

Разумеется, такое определение неудобно. Однако оно дает понять, что вариативно и что не вариативно в использовании пословиц: и провербиальная ситуация (IIa), и референциальная ситуация (IIIa) вариативны, тогда как и ситуационная модель (IIb), и модельная ситуация (IIIb) не вариативны. При изменении хотя бы одного из этих параметров возможны две ситуации: или пословица неправильно употреблена (с точки зрения

Схема 1

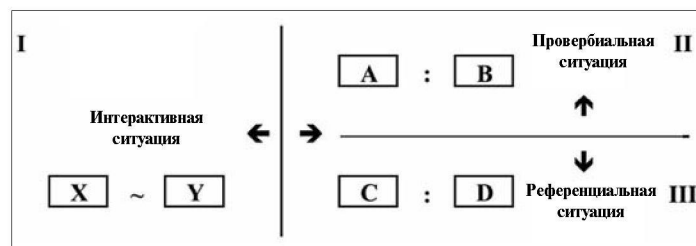

Схема 2

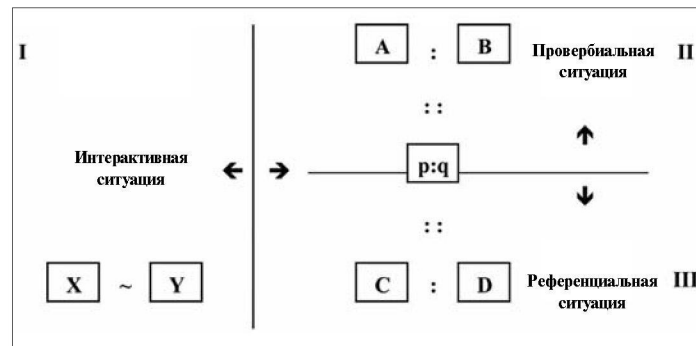

Схема 3

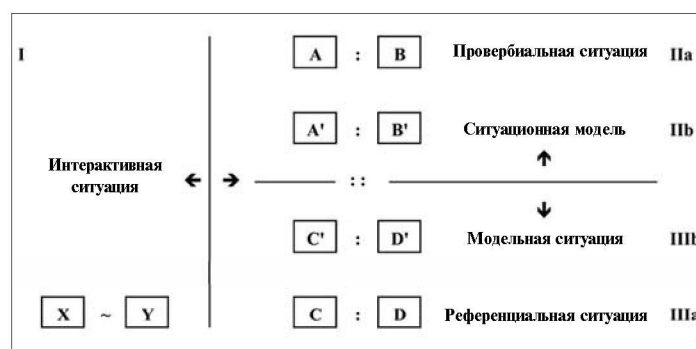

Схема 4

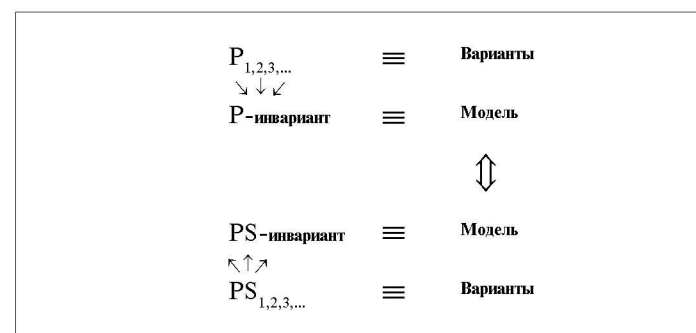
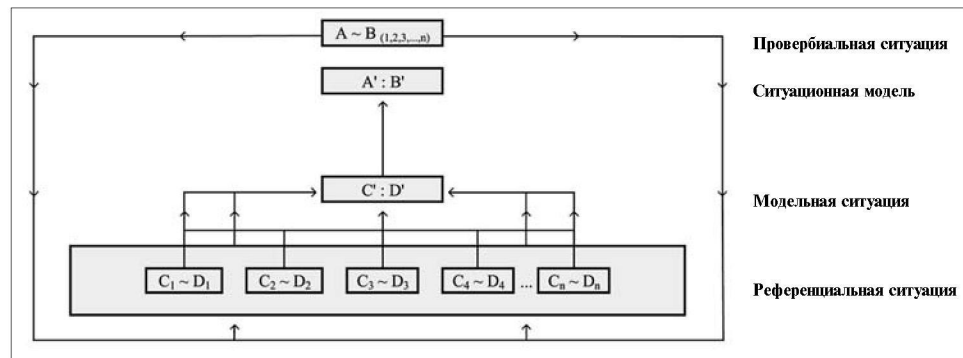

Схема 5

стандартов данной культуры), или речь идет о другой поговорке. Иными словами: конкретный вербальный слой поговорки (провербиальная ситуация) может быть изменен³ в той мере, в какой связанная с ним ситуационная модель остается той же (с точки зрения говорящего или слушающего). Похожим образом употребление поговорки может быть сочтено «правильным» в той мере, в какой поговорка применяется к референциальным ситуациям, которые в данной культуре понимаются как варианты одной и той же модельной ситуации. Опираясь на вышеописанные модификации и уточнения предложенного Пермяковым понимания ситуации и возможности их применения для выработки удовлетворительного определения поговорки, попытаемся проверить, в какой мере они способны проложить дорогу к новой классификации поговорок.

От определения к классификации. Пермяков [3; 13] предложил убедительный разбор преимуществ и недостатков различных принципов классификации поговорок. Например, выстраивание в алфавитном порядке может облегчить поиск поговорки в издании, но только в том случае, если известно, как она звучит (а словесный облик, как мы убедились выше, бывает изменчив). То же относится к семантической классификации, основанной на поверхностном образном слое поговорки. В таком случае в одну категорию попадают все поговорки «о еде» вне зависимости от того, связан ли акт принятия пищи с более глубоким поговорочным смыслом или это только один из элементов вербального уровня⁴. К сожалению, многие паремииологи и паремииографы не разделяли достаточно четко эти два вида тематической классификации⁵.

Ввиду этого предпочтительнее вернуться к изначальной идее Пермякова о строгом разделении тематической и логической классификаций и о том, что необходимо не просто классифицировать поговорки только на основании их темы, но и сочетать параметры тематической и логической структур. Это вновь приводит нас к проблеме уточнения понятия ситуации/ситуаций, поскольку предложенная Пермяковым классификация значений поговорок совпадает с классификацией типов ситуаций, моделируемых в поговорках.

Согласно Пермякову, есть четыре базовых типа ситуаций (IA, IB, PA, PB), различающиеся в зависимости от сложности взаимоотношений сущностей поговорок. IA и IB моделируют отношения между двумя сущностями (E) или между сущностью и ее качествами/одним из качеств (Q). PA и PB моделируют зависимость между взаимоотношением сущностей и взаимоотношением их качеств. Для каждого из этих четырех типов Пермяков [12] разработал подкатегории и логические подтипы. Для каждого базового типа определяются 7 «формообразующих групп» (ФГ). В аспекте дополнительной тематической классификации для заполнения ячеек служат бинарные оппозиции (*мужское—женское, дружеское—враждебное* и т.д.). Ограниченного набора подобных оппозиций достаточно, чтобы описать большую часть поговорочных значений (согласно Пермякову, при помощи несколько десятков базовых оппозиций можно описать большинство существующих поговорок)⁶.

Система Пермякова, как и любой паремииологический мета-язык, не может решить проблему семантической неопределенности [1; 2; 9], которая относится к сути самой поговорки, а не

описывающего ее мета-языка. Любое металингвистическое описание, сколь угодно (как кажется) точное, не может решить проблему семантической и прагматической неопределенности. Напротив, чем абстрактнее мета-язык, тем менее точно он описывает смысл поговорки. Семантическое описание поговорки может лишь стремиться к ретроспективному моделированию поговорки *a posteriori*, описывая пределы семантической приемлемости или допустимости, принятые в данном сообществе, и сужая спектр возмож-

ных и/или вероятных применений пословицы путем отсылки к соответствующим семантическим или прагматическим ограничениям. Классификация пословиц, таким образом, невозможна без отсылки к ситуационному контексту, который сообщает необходимую информацию о принятых в культуре («допустимых») случаях употребления и о налагаемых на них ограничениях. Знание о том, какой смысл может быть предположительно выведен из текста пословицы, основывается на знании о ситуации или типах ситуаций, к которым пословица может отсылать.

Иными словами, адекватное моделирование культурно релевантных ситуационных моделей невозможно без знания о модельных ситуациях. Для носителей культуры эти ограничения очевидны, и эксплицитная вербализация может показаться избыточной, поскольку в акте употребления пословицы обе стороны (модельная ситуация и ситуационная модель) как бы совпадают, а попытка классификационного определения ситуационной модели и модельной ситуации может привести к одному и тому же результату. Однако эвристически обе операции должны четко разделяться, поскольку мы имеем дело с двумя уровнями наблюдения. В свете этого стоит, по-видимому, с осторожностью отнестись к предположению Пермякова [12. С. 317 и сл.; 13. С. 9] о том, что, услышав пословицу впервые, можно на основании одного лишь текста сделать правильный вывод о моделируемой ситуации.

Проиллюстрируем важность культурной информации для семантической классификации пословиц и, следовательно, необходимость принимать во внимание культурно приемлемые и неприемлемые референциальные ситуации. С внешней точки зрения — при отсутствии культурной информации — пословица наподобие словенской *Voda teče, mlina meljejo* (Вода течет, мельница мелет) может быть с формальной точки зрения интерпретирована двумя способами:

а) как высказывание об особенных качествах сущностей; в этом случае пословица будет принадлежать к категории IA: у каждой сущности есть определенное качество, некоторые характеристики, и она ведет себя соответственно им;

б) в категориях логической импликации, где второй элемент зависит от первого: если «вода» течет, то (водяные) «мельницы» могут молоты; тогда пословицу надо будет отнести к категории IB: если нечто (E_1) существует, то нечто другое (E_2) также существует, т.е., если выполняются необходимые условия, всё идет своим чередом.

Разумеется, любой носитель словенского или человек, знакомый со словенским языком и культурой, отвергнет одну из интерпретаций как неправильную, хотя с внешней точки зрения обе версии равновероятны.

Возможно, здесь лежит ключ к источнику ошибки, которая встречается в конкретных разборах Пермякова и его попытках классификационного определения. Эта проблема затрагивает не классификационную систему как таковую, а скорее отдельные попытки отнесения текста к той или иной категории. У Пермякова эта проблема особенно очевидна в случае нерусских пословиц⁷, когда классификационные ошибки возникают из-за недостаточного различения описанных типов ситуаций, т.е. базируются не на абстрактной идее (модели), а на поверхностном лингвистическом уровне.

Например, известная многим народам пословица «Одна рука моет другую» является, как кажется, типичным представителем логического инварианта Ib, если принять предположение, что речь идет о реципрокных действиях («Существование/присутствие сущности зависит от существования/присутствия другой сущности»). И в самом деле, Пермяков [12. С. 119] относит русскую пословицу «Рука руку моет» к категории ФГ-9LA («Дружба—Враждебность», тип Ib) и связывает ее с тематической парой I9 («Левое—Правое»). При ближайшем рассмотрении данное определение оказывается поверхностным. Это особенно очевидно в случае с тематической парой, но не лучше дело обстоит и с логической подгруппой ФГ-9, заключающий в себе случаи, когда сущности находятся в тесных отношениях друг с другом (или стремятся к этому).

Не рассматривая вероятность метафорической интерпретации этой близости, мы можем сказать, что более глубокий (т.е. провер-

бильный) смысл пословицы скорее говорит о взаимосвязанности двух действий, что будет скорее аргументом в пользу ФГ 8-КА («Экзистенциальная зависимость сущности или действия от другой сущности или другого действия») как адекватной логической группы, а также тематической пары III 1 («Акция—Реакция»); тогда релевантные действия рассматриваются скорее как нейтральные. Если же ограничивать смысл пословицы обозначением позитивно или негативно оцениваемых действий, как это происходит в некоторых культурах, придется вводить дополнительную тематическую пару, а именно IIa10 («Хорошее—Плохое»). В таком случае смысл будет выглядеть как «Если совершается некоторое (хорошее или плохое) действие, оно вызовет соответствующую (позитивную или негативную) реакцию». Пословица оказывается радикально отличной от других схожих с ней, где в центре внимания находится «Соответствие между качеством реакции и качеством изначального действия», как, например, в африканской пословице типа Ia «Если ты окажешь мне хорошую услугу, я тоже окажу тебе хорошую услугу. А если ты окажешь мне дурную услугу, я тоже окажу тебе дурную услугу», которую Пермяков [12. С. 149] относит к ФГ-15LAc («Соответствие качеств или свойств действий»).

Если этот пример затрагивает и логическую, и тематическую классификацию, то в случае поверхностной категоризации Пермяковым русской пословицы «Как аукнется, так и откликнется» ошибкой происходит только на тематическом уровне. В то же время отнесение этой пословицы к ФГ-15KA выглядит вполне обоснованным, выбор тематической группы Пс30 («Громкий—Тихий») в дополнение к III («Акция—Реакция») не имеет никакого отношения к ее proverbiallyму смыслу. Похожим образом Пермяков относит русскую пословицу «Куй железо, пока горячо» к ФГ-18LA и связывает ее с тематическими парами Пв16 («Активное—Пассивное») и Пв33 («Горячее—Холодное»). Данная тематическая категоризация также поверхностна, поскольку смысл пословицы не имеет никакого отношения к температуре, но подразумевает действия, которые надо совершать вовремя, когда можно что-либо сделать, чтобы не упустить удобную возможность, и т.д.

Подобные различия остаются незамеченными, в том числе и при повседневном употреблении пословиц. Даже паремологи не всегда обращают должное внимание на семантические нюансы. На основании приведенных примеров может возникнуть ложное впечатление, что Пермяков при классификации пословиц исходил из данных поверхностного лингвистического уровня. Это определенно не было его целью: предложенная им классификация должна была основываться на более глубоком proverbiallyм смысле пословиц. Противоречия и ошибки, которые мы находим в классификации Пермякова, вероятно, связаны с отсутствием более точного определения понятия ситуации, подобного предложенному выше. Учитывая это и основываясь на модернизированном теоретическом аппарате, описанном выше, логично задать вопрос, мог ли сам Пермяков реализовать свой амбициозный проект в рамках своих анализа и классификаций. Проверка классификаций Пермякова остается одной из насущных задач паремологии — отправной точкой для этого может стать повторный анализ рассмотренных им русских пословиц (см. список в [5]).

Примечания

¹ Здесь не требуется прибегать к статическим понятиям денотации и коннотации. Скорее речь идет о динамических семиотических процессах, которые, говоря теоретически, бесконечны, но в определенный момент прерываются, чтобы гарантировать возможность коммуникации и взаимопонимания.

² Этот процесс не должен быть понят в категориях (или в поддержке) теории ступенчатого понимания, отталкивающегося от буквального смысла; данный вопрос будет разработан ниже.

³ Словесные вариации языкового уровня пословицы оказались существенно более важными, чем полагал Пермяков. При этом сам Пермяков сделал возможным систематическое изучение этой вариативности, предложив паремологам метод частичной презентации текста. Его разборы и подсчеты относительно паремологического лексикона респондентов строились на бинарной схеме (известное—неизвестное),

предполагавшей авторитарные решения и наборы, оценивавшиеся по критериям правильности—неправильности. В ходе работы над улучшением методики исследования того, какие пословицы известны респондентам, была предложена и успешно применена к материалу разных языковых традиций сложная схема классификации вариаций пословиц [4; 8].

⁴ Подобный тематический анализ совпадает с предложенным Пермяковым анализом «реалий», который необходимо отличать от предложенных им разновидностей более абстрактного тематического анализа. Если первый вид анализа рассматривает только первый уровень означивания в описанном выше смысле, то второй касается второго уровня означивания.

⁵ Не так обстоит дело с системой М6, которая основывается на предложенной Кууси [10] «Международной системе типологии пословиц» и была улучшена Лаухакангасом [11]. Ее создатели также пытаются основываться на тематической классификации, в первую очередь на более глубоком, абстрактном смысле пословиц. Эта система, несмотря на свои очевидные достоинства, не всегда последовательна в различении двух вышеописанных уровней.

⁶ Этот подход многим обязан структуралистским методам, впоследствии ставшим мишенью для критики, большая часть которой правомерна, особенно в отношении предположений об изначальной бинарности познания, авторитарного навязывания смысла, закрытости описательной системы и т.д. Однако в той мере, в какой мы не отрицаем существования культурных конвенций относительно смысла пословиц, мы можем воспринимать подход Пермякова как попытку описать смысл пословицы как предположительное, а не авторитарное описание ее семантического потенциала.

⁷ В личной беседе (1983 г.) Пермяков сказал автору данной статьи, что он классифицировал незнакомые пословицы из нерусских культур, основываясь на привычных русских моделях.

Литература

1. *Крикманн А.* К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1975.
2. *Крикманн А.* Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремнологический сборник. М., 1978.
3. *Пермяков Г.Л.* Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
4. *Chlosta Ch., Grzybek P.* Varianten und Variationen anglo-amerikanischer Sprichwörter — Dokumentation einer empirischen Untersuchung // ELiSe: Essener Linguistische Skripte-elektronisch. 2005. Bd. 5 (2). S. 63—145.
5. Die Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit von G.L. Permjakov. Mit einer Analyse bekannter deutscher Sprichwörter / Hrsg. von P. Grzybek. Hohengehren, 2000.
6. *Grzybek P.* Überlegungen zur semiotischen Sprichwortforschung // SSSSFR. 1984. S. 215—250.
7. *Grzybek P.* G.L. Permjakovs Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit // SSSSFR. 2000. S. 1—43.
8. *Grzybek P., Chlosta Ch., Roos U.* Ein Vorschlag zur Klassifikation von Sprichwortvarianten in der empirischen Sprichwortforschung // EUROPHRAS 1992. Tendenzen der Phraseologieforschung. / Hrsg. von B. Sandig. Bochum, 1994. S. 221—256.
9. *Krikmann A.* 1001 Frage zur logischen Struktur der Sprichwörter // SSSSFR. 1984. S. 387—408.
10. *Kuusi M.* Towards an International type-system of proverbs. Helsinki, 1972.
11. *Lauhakangas O.* The Matti Kuusi International type system of proverbs. Helsinki, 2001.
12. *Permjakov G.L.* Die Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit // SSSSFR. 1979. S. 295—344.
13. *Permjakov G.L.* 300 allgemeingebäuchliche Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. Ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende. Moskau; Leipzig, 1985.
14. *Seitel P.* Proverbs: A social use of metaphor // Genre. 1969. Vol. 2. P. 143—161.

Сокращения

SSSSFR — Semiotische Studien zum Sprichwort — Simple Forms Reconsidered I / Hrsg. von P. Grzybek. Tübingen.

Перевод с английского Д.С. НИКОЛАЕВА